

Гончаров Павел Петрович

"ТАЮТ СНЕГА" В. АСТАФЬЕВА И СТЕРЕОТИПЫ "ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА"

Статья раскрывает связь ранней прозы В. Астафьева с "производственной литературой". Первый роман Астафьева истолковывается как основанный на производственном конфликте, во многом подражательный, но свидетельствующий об усвоении начинающим писателем канонов "производственной литературы". Особое внимание автор уделяет жанровым признакам производственного романа, специфике его героя, конфликта, событийности, связям с господствующей идеологией 1950-х годов. Автор утверждает, что опыт этого романа отзовется в зрелой прозе писателя вниманием к теме "человека труда", к бесприютному странствующему герою.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

14. **FOOTBALL:** Russia 0 – 3 Spain [Электронный ресурс]. URL: <http://uk.eurosport.yahoo.com/football/euro-2008/2008/russia-spain-134456.html> (дата обращения: 26.06.2008).
15. **FOOTBALL:** Spain 4 – 0 Italy [Электронный ресурс]. URL: http://thegoalpole.com/spain-vs-italy-40-euro-2012-final-massive-goal-spain/#.UwdaY_1_v80 (дата обращения: 01.07.2012).
16. **FOOTBALL:** Tottenham Hotspur 2 – 0 Norwich City [Электронный ресурс]. URL: <http://uk.eurosport.yahoo.com/football/premier-league/2013-2014/tottenham-hotspur-norwich-city-618443.html?order=ratings> (14.09.2013).
17. **FOOTBALL:** Valencia CF 3 – 0 Rangers [Электронный ресурс]. URL: http://au.eurosport.com/football/champions-league/2010-2011/valencia-cf-rangers_mtc384175/live.shtml (дата обращения: 02.11.2010).
18. **Palmer F. R.** Mood and Modality. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 236 p.

THE EXPRESSION OF SUBJECTIVE MODALITY IN LIVE TEXT COMMENTARIES OF SPORT COMPETITIONS

Gavrilyuk O'l'ga Aleksandrovna

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

olgagavryliuk@mail.ru

In connection with the rapid development of information technologies and the constant consumption of electronic network, more new products appear, one of which is live text commentary – the form of live sportscast. The article presents the research of means expressing subjective modality in the live text commentaries of football, boxing and figure skating. The author focuses on the fact that subjective modality in such kind of text is created by the sportscaster's emotional state which is expressed by both lexical units and appropriate means of speech prosody.

Key words and phrases: subjective modality, sportscast, live text commentary, text emotionality, graphic expression of speech prosody.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

Статья раскрывает связь ранней прозы В. Астафьева с «производственной литературой». Первый роман Астафьева истолковывается как основанный на производственном конфликте, во многом подражательный, но свидетельствующий об усвоении начинающим писателем канонов «производственной литературы». Особое внимание автор уделяет жанровым признакам производственного романа, специфике его героя, конфликта, событийности, связям с господствующей идеологией 1950-х годов. Автор утверждает, что опыт этого романа отзовется в зрелой прозе писателя вниманием к теме «человека труда», к бесприютному странствующему герою.

Ключевые слова и фразы: «производственный роман»; проза; жанровый канон; стереотип; постмодернизм; эволюция жанра.

Гончаров Павел Петрович, к. филол. н.

Мичуринский государственный аграрный университет

goncharovpa@yandex.ru

«ТАЮТ СНЕГА» В. АСТАФЬЕВА И СТЕРЕОТИПЫ «ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА»©

О связях первого романа В. Астафьева с жанровыми канонами «производственного романа» уже упоминалось не однажды в современном литературоведении [2, с. 24-28; 3, с. 22-27]. Однако аргументация и выводы, имеющиеся в указанных источниках, нуждаются в уточнении, поскольку в отечественной филологической науке наметилась тенденция игнорировать этот некогда весьма популярный у писателей и читаемый общественным мнением жанр.

«Подвиг созидания», «трудовой фронт», «героизм в рабочем строю» – это названия глав и разделов «книги для учителя» «Героика труда в русской советской литературе» Б. А. Леонова, посвященной литературе «производственной темы» [6]. Задача жанров «производственной литературы» виделась в том, чтобы «опозитивировать технический процесс, ощутить музыку в гуле турбин... взглянуться в волшебное деяние мастера-умельца» [Там же, с. 27]. В этом плане «производственная проза» развивала тенденции, наметившиеся в поэзии футуристов, пролеткультовцев, конструктивистов. Случилось так, что на смену апологетике этого жанра в многочисленных и объёмных работах 1960-1980-х гг. Г. А. Бровмана, А. Н. Власенко, В. И. Воронова, В. А. Гейдеко, Ф. Ф. Кузнецова, Б. А. Леонова пришла красноречивая фигура умолчания. Так, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» 2003 года понятие «производственный роман» лишь упоминается в предметном указателе, но никак не расшифровывается [7]. Интересно также то, что и авторы историко-литературных исследований, по определению «обязанные» быть внимательными к этому жанру, достаточно лаконично и скупко определяют его специфику. В частности, в фундаментальном исследовании творчества В. П. Катаева, принадлежащем М. А. Литовской, справедливо отмечается причастность романа «Время, вперед!» к жанру

«производственного романа», констатируется наличие в нем «производственной коллизии», определяется в качестве источника пафоса «социалистическое переустройство общества». Конфликтная сфера романа характеризуется не как «схватка старого с новым», а как «история борьбы за увеличение замесов бетона» [8, с. 13-14], как будто к производственной сфере борьба «старого и нового» отношения иметь не может.

Вероятно, причиной и умолчания, и вынужденной лаконичности является укоренившаяся в последнее время мысль об идеологической «архаичности» и «квазихудожественной» сущности жанра, некогда нацеленного на изображение торжества нового в социально-политическом и в социально-экономическом устройстве общества над старым, устаревшим. Но в этом можно усмотреть диктат новой постсоветской либеральной идеологии в отношении уже не только литературы, но и литературоведения. Наша эпоха не приемлет людей, относящихся к типу Игната Гордеева, Ильи Артамонова-старшего, Увадьева, Давыдова, тем более династии Журбинных, а потому невостребованным остается жанр литературного произведения о социально значимом «деле», о людях, для которых деньги и личное благополучие, как правило, были не целью, а второстепенным производным от «успеха» затеянного ими «дела». Созидание экономическое и социальное закономерно рождало (допускаем здесь взаимозамену причины и следствия!) искусство на тему созидания. «Свинарка и пастух», «Сказание о земле Сибирской», как и «Время, вперед!», «Поднятая целина», «Районные будни», вполне адекватно выражают дух социально-экономического переустройства, как «Жестокий романс», «Любовь и голуби», «Пожар» и «Печальный детектив» ярко обозначили приближение слома, окончание этой эпохи.

Показательно, что и сменивший «деревенскую прозу» постмодернизм с его презрением к любой (но больше всего – к советской) идеологии, по убеждению современных литературоведов, готов уступить первенство иной литературе, иным жанрам, где «преодоление энтропии современной культуры», обращение к «устойчивым сюжетам» «собираения семьи, рождения детей» является очевидным «переходом от стратегии деконструкции к иным художественным кодам» [5].

Время изменяет не только социально-экономические формы организации жизни, но и жанровые предпочтения в искусстве. Так, наметившуюся «архаичность», окостенелость жанров советской «производственной литературы» отмечали уже в 1950-е годы и некоторые их создатели. Автор поэм о строительстве колхозов («Путь к социализму», «Страна Муравия») А. Твардовский в поэме «За далью – даль» об апологетах жанра иронически писал:

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он – передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал [9]...

Астафьевский роман «Тают снега» (1958), как феномен «производственной литературы» в целом, – произведение, возросшее на утвердившейся в России XX века идеологии. Для него свойственно изображение социально-экономических форм жизни в качестве объекта необходимого радикального реформирования. Но если в произведениях начала XX века в модернизации акцент делался на политических аспектах («Мать» М. Горького, «Город в степи» А. Серафимовича, «Барсуки» Л. Леонова, «Тихий Дон» М. Шолохова и др.), то в «производственных романах» акцентируются социально-экономические и социально-этические процессы («Время, вперед!» В. Катаева, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Соть» Л. Леонова и др.).

В. Астафьеву не надо было куда-либо ехать из Чусового, чтобы «сверять» свой роман «с жизнью». Однако его роман обладает многими жанровыми признаками «производственного романа». В нем имеет место «многоплановый» сюжет, связанный с судьбой колхоза «Уральский партизан», с попытками «нового человека» – агронома Таси Голубевой – вдохнуть в него новую жизнь. В случае с Тасей можно усмотреть следование Астафьева за фабульной схемой «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой, других произведений на «колхозную» тему – «Поднятой целины» М. Шолохова, прежде всего. Последователи и подражатели Шолохова, используя фабульную схему его романа (благодетельные последствия вмешательства передового городского человека в деревенскую жизнь), всячески «маскируют», скрывают свое подражание. У Г. Николаевой и В. Астафьева в деревню приезжают женщины, колхоз уже создан, жизнь в нем надо налаживать заново.

Как представляется, наиболее детально прописанные признаки и каноны «производственного романа» следует искать у историков советской литературы, поэтому здесь мы считаем себя вправе сослаться на имевшее признание пособие «История русской советской литературы» под ред. профессора П. С. Выходцева. Ведущей темой астафьевского романа оказывается, как и предписывалось канонам, «тема социалистического преобразования» [4, с. 272] отсталой деревни, своеобразный новый послевоенный вариант темы «коллективизации в деревне» [Там же]. История, судьба матери-одиночки, приехавшей после окончания техникума в деревню, сопряжена в романе с «историей социалистического дела, в которое вовлечены массы» [Там же].

Историки жанра не выделяют в качестве отдельного жанрового признака – но он очевиден – связь событийности романа с партийными решениями. Этот жанровый признак выделяется нами как канонический, потому что он имеет место в катаевском романе «Время, вперёд!» (курс на индустриализацию), в шолоховской «Поднятой целине» (движение двадцатипятилетников), в «Колхиде» К. Паустовского (партийная установка на покорение природы), в ряде других «производственных романов». Возрождение потерявшего всякую надежду на успех колхоза связывается Астафьевым и героями его романа с решением «сентябрьского» (1953) Пленума ЦК. Кстати, пытающиеся порвать с «лакировочной» литературой В. Овечкин и Ф. Абрамов свои надежды на вызволение из нужды русской деревни в это время связывают с партийными решениями. В стране, где все проявления общественной и экономической жизни пытались строго регламентировать, вряд ли могло прийти кому-либо в голову надеяться на иное.

Историки литературы в качестве жанрового признака производственной литературы выделяют внимание писателей к изображению «физических усилий людей труда» [Там же]. Вне контекста, вне других жанровых признаков этот канон сомнителен, иначе в «производственную литературу» были бы легко зачислены произведения А. Кольцова, Л. Толстого, С. Есенина, других классиков, воспевших поэзию крестьянского труда. Что касается романа В. Астафьева «Тают снега», то и в нём эпизоды, изображающие нелегкий труд колхозников, не являются проходными. «Есть в крестьянстве трудная, но увлекательная работа – молотьба. Даже в старые времена, когда молотили цепями, молотьба была самой радостной работой хлебопашца. Да и как ему не радоваться, когда хлеб, собранный с пашни, вот он, льется струей из заскорузлых, натруженных рук. <...> Сноп в молотилку подавал Яков Григорьевич. В очках, в рукавицах-верхонках и расстегнутой косоворотке стоял он у молотилки, широкоплечий, сильный» [1, т. 1, с. 380]. Хотя писатель затем отказался от многих обязательных структурных элементов «производственного романа», живописание крестьянского труда, труда солдатского, труда сплавщиков леса, рыбацкого и охотничьего промысла останется частью его идиостиля и в «Перевале», и в «Стародубе», и в «Последнем поклоне», и в «Царь-рыбе». «Человек труда», труда прежде всего физического, так и останется главным героем книг В. Астафьева – в этом воздействие русской классики, «деревенской прозы» и «производственной литературы» тоже. А описание зимней молотьбы в романе «Прокляты и убиты» останется едва ли не единственным светлым пятном в мрачной колористике апокалиптического романа.

Историки литературы, характеризуя «производственную прозу», отмечали, что «в этих произведениях большое место занимали описания производственных процессов и конфликтов» [4, с. 273]. Действительно, конфликт идей коллективных хозяйств и единоличного использования земли лежит в основе «Поднятой целины» и «Страны Муравии», конфликт создателей комбината на реке Соть со сторонниками патриархального уклада (Леонов), конфликт между сторонниками осушения болот Колхиды с их противниками (Паустовский), конфликт сторонников традиционной технологии в строительстве металлургического комбината с авторами технологии новейшей (В. Катаев) может быть охарактеризован как, прежде всего, производственный, хотя в 1930-е гг. этот конфликт имел явную или скрытую политическую подоплеку. В 1940-1950-е гг. производственные конфликты потеряли свою политическую остроту, по крайней мере, в противниках той или иной социально-экономической новации писатели перестали видеть непримиримых политических врагов. Борзов и Мартынов у В. Овечкина оппоненты, но в Борзове писатель не изображает и не подозревает белогвардейца и вредителя, хотя именно так совсем недавно строился конфликт в леоновской «Соти» и в шолоховской «Поднятой целине». Более того, в 1950-е гг. появляются производственные романы, в которых характерный для этого жанра острый конфликт эволюционирует в органический для любой формации «конфликт поколений», приглушенный семейным родством, преемственностью трудовых династий («Журбины» Вс. Кочетова).

В астафьевском романе столкновение Таси Голубевой с председателем колхоза Птахиним и его заместителем Карасевым имеет не столько социально-политический, сколько этико-социальный, этико-экономический характер. Птахин, некогда неплохой работник, оказался безвольным орудием в руках проходимца Карасева и своей разгульной жены Клары. Именно поэтому страдает экономика колхоза, бедно живут колхозники. Стоило их сместить, как жизнь в бригадах готова измениться. И здесь проявляется еще один жанровый признак «производственной прозы». Своеобразным жанровым канонам «производственного романа» было непременно решение сложных экономико-социальных проблем в пределах ограниченного хронотопа романа. Привести пример исключения из этого жанрового канона предельно трудно. Даже кочетовский Матвей Дорофеевич Журбин, отставленный возрастом и наступлением новых технологий кораблестроения, находит себе применение в качестве «ночного директора» судовой верфи.

Финал астафьевского романа исключением не является: Птахин снят с должности председателя, Карасев арестован, Тася Голубева возглавляет обновление колхоза, а над всем «сооружением» колхозного романа возвышается его оптимистическое название – «Тают снега». Здесь астафьевский роман вписывается полностью уже в соцреалистический канон, в соответствии с которым «тема труда» решалась «как тема революционного преобразования жизни» [Там же, с. 272].

Оценивая роман «Тают снега», А. Макаров полемически утверждал в письме прозаику: «Вы отгрохали роман, не будучи ещё писателем» [1, т. 8, с. 217]. Полемичность здесь следующего рода: автор романа «Тают снега» был уже региональным литератором, уверенно писал по сложившимся канонам «производственного романа», но не был писателем оригинальным, этими канонами при необходимости пренебрегающим, хотя уже в этом романе Астафьевым будут найдены мотивы, образы, сюжетные ходы и «коды», которые найдут своё продолжение в его уже оригинальном творчестве.

Первый астафьевский роман по критической тональности созвучен овечкинским «Районным будням». Колхозная деревня изображается в нем предельно правдиво: «Год от года меньше и меньше стали выдавать на трудодень хлеба и денег, а о таких вещах, как сено, мясо, мед и прочее, – даже и говорить перестали» [Там же, т. 1, с. 359]. Но от названия до финала роман пронизан идущей не только от канонов жанра, но и от молодого жизнелюбия писателя, от общественных настроений того времени светлой тональностью. Выражена она не только в судьбах героев и даже не только в счастливом исходе драматических происшествий (спасение едва не утонувшего Серёжи). «Я вот часто теперь задумываюсь, – неожиданно заговорила Тася, – задумываюсь над тем, что было бы со мной и с Сережкой, если бы вокруг нас не жило столько хороших людей» [Там же, с. 602]. Светлая тональность доминирует в повести «Перевал», преобладает в «Стародубе» и «Звездопаде», господствует во многих начальных главах «Последнего поклона».

Многие мотивы, образы, темы первого романа найдут в последующем творчестве писателя свое продолжение. Среди мотивов романа странничество, связанное с образом Таси Голубевой, окажется наиболее продуктивным. «Добрые странники», ищущие правды, пытающиеся построить свою жизнь и жизнь окружающих в соответствии со своими представлениями о правде, очерчены здесь писателем с необходимой полнотой.

Вместе с тем в романе рождается мотив (и связанные с ним тема и образ) сугубо оригинальный, характерный в его особом преломлении для творчества В. Астафьева. Это мотив возмездия за оскорбление материнского, жизнетворческого начала в женщине и природе, земле. Женщины в романе (Лидия Николаевна, Тася) представляются основой экономической, социальной и этической жизни русской деревни, на них держится деревня Корзиновка. Происхождение мотива возмездия сопряжено, вероятно, с уникальностью биографии писателя, потерявшего в детстве мать, а затем и малую родину. Тасю Голубеву своим малодушием оскорбил Чудинов, также с его равнодушного позволения совершается и оскорбление нерадением всей матери-земли, находящейся в ведении его МТС. Здесь рождается мотив возмездия за оскорбление, поругание женщины – матери – земли – природы. Но возмездие этого типа – сюжетобразующий мотив «Стародуба», «Пастуха и пастушки», «Царь-рыбы», романа «Прокляты и убиты». Образ главной героини романа «Тают снега» созвучен многим произведениям советской литературы – герой, отвергающий личное благополучие ради благополучия общества (М. Горький, Н. Островский, М. Шолохов). Вместе с тем здесь стереотип преодолевается: строя благо общественное, Тася Голубева обретает счастье семейное, личное, встречает Лихачева, который вполне может заменить отца для её Серёжи.

Главная «находка» Астафьева в этом романе – образ Василия Лихачева. В нем в зародыше живут черты и свойства многих астафьевских героев. Лихачев – человек «приблатненный», некогда имел отношение и к людям искусства, и к миру «шпаны». Воевал, на Урале (как и Астафьев) оказался волей случая. Как и Астафьев, Лихачев здесь нашел свою суженую. Его судьба – порождение трагической советской эпохи, детали его образа (бесприютность, музыкальность, обаятельность, начитанность, внешняя разухабистость при душевной ранимости, речь, причудливо сочетающая «блатные» словечки с архаичными этикетными формулами) напоминают главных персонажей повестей «Кража», «Последний поклон», «Так хочется жить», романа «Прокляты и убиты». Он отзовется в последней повести В. Астафьева образом «Весёлого солдата».

Среди продуктивных тем Астафьева времени написания романа «Тают снега» – повышенное внимание к традиционному деревенскому укладу. «Обычай, как сам известно, уважать надо... если они не дикие, конечно» [Там же, с. 354], – эту убежденность персонажа явно разделяет и симпатизирующий ему нарратор. В авторе романа уже можно распознать будущего традиционалиста, пристрастно относящегося к теме русской деревни и природы.

Итак, игнорирование «производственной литературы» из-за её причастности к советской идеологии контрпродуктивно для создания объективной истории творчества известных писателей. При этом упреки в «сервиллизме» в адрес «производственных романов» совершенно не соотносятся с эстетической сущностью производственной прозы: она выражает реально господствовавший в общественном сознании 1930-1950-х гг., ставший частью писательского мироощущения пафос созидания нового, основанного на технократических (а позднее и традиционных этических) идеалах устойчивого общественного развития. В обращении к жанру «производственного романа» реализовано то свойство астафьевского дара, которое справедливо характеризуется как «астафьевский универсализм» [2, с. 5]. Однако явные слабости романа (подражательность, схематичность конфликта, идеологическая «правоверность»), вместе с уходом «производственной прозы» на периферию жанровой системы литературы, уже вскоре стали очевидными для автора. Возможно, всё это и побудило писателя в дальнейшем назвать роман «прежде времени рожденным» и даже «обходить упоминание романа в библиографии своей» [1, т. 1, с. 29]. Вместе с тем это был тот неоценимый опыт, который позволил писателю перейти к «иным художественным кодам», двигаться к оригинальности в последующем творчестве.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15-ти т. Красноярск: Офсет, 1997-1998.
2. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской литературы второй половины XX века: учебное пособие. Мичуринск: МГПИ, 2006. 266 с.
3. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов: монография. М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
4. История русской советской литературы / под ред. профессора П. С. Выходцева. М.: Высшая школа, 1974. 736 с.

5. Ковтун Н. В. Игра как способ миропостижения в повести Людмилы Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210-217.
6. Леонов Б. А. Героика труда в русской советской литературе: книга для учителя. М.: Просвещение, 1984. 159 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
8. Литовская М. А. Социхудожественный феномен В. П. Катаева: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2000. 50 с.
9. Твардовский А. За далью – даль [Электронный ресурс]. URL: <http://er3ed.qrz.ru/tvardovsky-dal.htm#glawa1> (дата обращения: 05.02.2014).

“THAWING SNOW” BY V. ASTAF'EV AND STEREOTYPES OF “INDUSTRIAL NOVEL”

Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa@yandex.ru

The article reveals the connection of V. Astaf'ev's early prose with “industrial literature”. The first Astaf'ev's novel is interpreted as based on industrial conflict, imitative to a large extent, but indicating “industrial literature” canons mastering by the unexperienced writer. Special attention is paid to the genre features of the industrial novel, its hero's specificity, conflict, events, and connections with the predominant ideology of the 1950s. The author states that the experience of this novel will manifest itself in the writer's mature prose in regarding the subject “man of labour”, the desolate wandering hero.

Key words and phrases: “industrial novel”; prose; genre canon; stereotype; post-modernism; evolution of genre.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

В статье характеризуется жанровая специфика главы-рассказа «Капля», а через неё уточняются особенности архитектоники и жанра всей «Царь-рыбы» В. Астафьева. В главе-рассказе выделяются публицистические, идиллические, лиро-эпические компоненты, оценивается их взаимодействие и синтез, определяется роль стихотворных вкраплений, используются и вводятся в научный оборот новые критические и биографические материалы. Утверждается и доказывается мысль о синтетической природе жанра «Капли» и всего «повествования в рассказах».

Ключевые слова и фразы: В. П. Астафьев; «Царь-рыба»; лирический рассказ; публицистика; идиллия; «затесь»; синтез жанровых форм; «Капля»; композиция; архитектоника.

Гончаров Павел Петрович, к. филол. н.

Гончаров Петр Андреевич, д. филол. н., профессор

Мичуринский государственный аграрный университет
goncharovpa@yandex.ru

«ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЭЗИИ»: ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ «ЦАРЬ-РЫБЫ» В. АСТАФЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ-РАССКАЗА «КАПЛЯ»)©

Жанровая специфика как всего повествования в рассказах «Царь-рыба», так и составляющих его глав-рассказов уже в самых различных аспектах рассматривалась в современном литературоведении [2; 3]. Глава «Капля» предварена своеобразной «вставкой», объясняющей последовательность глав-рассказов «Царь-рыбы»: «Однажды мы всей семьей собрались и поехали в гости к братану» [1, т. 6, с. 40]. Вероятно, такая «вставка»-связка является отражением попытки автора связать внешне разрозненные главы-рассказы в единое целое. Астафьев в интервью 1982 года так характеризовал «Царь-рыбу»: «Она плохо организована, нет целостности. Почему? Замысла единого не было. Поначалу я просто пытался написать три-четыре очерка. Ничего из этого не получилось. Во время третьего захода на рукопись вдруг оживилась работа, написал «Каплю», и тут почувствовал интерес к рукописи... Тональность книги была найдена» [7, с. 128]. Интересно, что в этом же интервью со ссылкой на М. С. Корякину писатель отмечает: «Правда, Марья, моя жена, всегда защищала «Царь-рыбу». Она её любит и говорит мне, что, мол, я сам не понимаю, что написал» [Там же, с. 127]. Позднее и сам писатель неоднократно подчеркивал роль интуиции, подсознания в творчестве писателя, в том числе и собственном.

Итак, до появления главы «Капля» Астафьев «не видел» всего произведения. В интервью ленинградскому радио в январе 1977 года писатель почти аналогично рисует рождение «Царь-рыбы»: «Сначала хотел просто несколько очерков написать. Но эта работа оказалась ни в тон, ни в лад... Пошел от «Затесей»... и написал главу «Капля» <...> три с половиной года подряд напряженно сидел над «Царь-рыбой»» [Там же, с. 26]. Здесь обращает на себя внимание декларируемая писателем связь повествования с «Затесями».

© Гончаров П. П., Гончаров П. А., 2014